

Карпинец Татьяна Анатольевна

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА "МЕТЕЛЬ")

Автор рассматривает проблему художественного пространства на примере повести А. С. Пушкина "Метель". Анализируются языковые средства, маркирующие пространственные координаты, выделяются лексико-семантические группы, выявляются универсальные оппозиции пространственного мировосприятия. Исследуются глубинные смыслы, архетипические значения, стоящие за лексическими экспонентами, актуализирующими мифопоэтическую символику.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 114-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

На основании всего вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы:

1. Процесс межсистемного заимствования является вполне обоснованным процессами интеграции и дифференциации научного знания и практических сфер деятельности.

2. Терминосистема транспортной логистики впитала себя большое число терминов из других областей знаний, таких как транспорт, тара и упаковка, коммерческая деятельность, информационные технологии, менеджмент, маркетинг, физика.

В заключение мы можем предположить, что англоязычная терминологическая система транспортной логистики будет пополняться заимствованиями из других терминологий на фоне тенденции к углублению процессов интеграции и дифференциации.

Список источников

1. **Авербух К. Я.** Общая теория термина. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. 252 с.
2. **Англо-русский толковый словарь логистических терминов** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seanews.ru/service/getfile.asp?fileID=57> (дата обращения: 20.02.2017).
3. **Воронов В. И., Воронов А. В., Лазарев В. А., Степанов В. Г.** Международные аспекты логистики [Электронный ресурс]. URL: http://abc.vvsu.ru/Books/m_asp_log/page0001.asp (дата обращения: 05.03.2017).
4. **ГОСТ 17527-2003** [Электронный ресурс]. URL: http://standartgost.ru/g/pkey-14294812988/ГОСТ_17527-2003 (дата обращения: 05.03.2017).
5. **Купцова А. К.** Проблемы формирования терминологий новых наук (на примере логистики): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 17 с.
6. **Лейчик В. М.** Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
7. **Николайчук В. Е.** Транспортно-складская логистика: учебное пособие. 4-е изд-е. М.: Дашков и К⁰, 2010. 452 с.
8. **Николашин В. М., Синицына А. С.** Основы логистики: учебник для студентов вузов железнодорожного транспорта / под ред. В. М. Николашина. М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2007. 252 с.
9. **Logistics Glossary** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.universalcargo.com/logistics-glossary/> (дата обращения: 20.02.2017).
10. **Logistics-Dictionary.com** [Электронный ресурс]. URL: <http://logistics-dictionary.com/> (дата обращения: 20.02.2017).

**INTERSYSTEM BORROWINGS
IN THE ENGLISH TERMINOLOGICAL SYSTEM OF TRANSPORT LOGISTICS**

Karavaiskaya Ol'ga Sergeevna
Omsk State Transport University
tos5509@mail.ru

The article is devoted to studying intersystem borrowings in the English terminological system of transport logistics. The paper analyzes the basic motives of this phenomenon such as integration and differentiation of sciences and research areas; the paper discovers and justifies the interrelation of transport logistics with the related branches of economy and industry. The author identifies six spheres associated with transport logistics: transport, tare and package, commercial activity, information technologies, management, marketing, physics.

Key words and phrases: differentiation; integration; intersystem borrowing; terminological system; transport logistics.

УДК 801.73

Автор рассматривает проблему художественного пространства на примере повести А. С. Пушкина «Метель». Анализируются языковые средства, маркирующие пространственные координаты, выделяются лексико-семантические группы, выявляются универсальные оппозиции пространственного мировосприятия. Исследуются глубинные смыслы, архетипические значения, стоящие за лексическими экспонентами, актуализирующими мифопоэтическую символику.

Ключевые слова и фразы: художественное пространство; пространственная доминанта; лексико-семантическая группа; лексический экспонент; универсальные оппозиции; семантика; этимология; архетипическое значение; мифопоэтический образ.

Карпинец Татьяна Анатольевна, к. филол. н., доцент
Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово
tak132015@mail.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»)**

Пространство – одна из универсальных категорий как реальной, так и художественной языковой картины мира. В научной литературе сложилось широкое и узкое понимание художественного пространства, что связано,

как считает Н. А. Николина, «с разграничением внешней точки зрения на текст как на определенную пространственную организацию, которая воспринимается читателем, и внутренней точки зрения, рассматривающей пространственные характеристики самого текста как относительно замкнутого внутреннего мира» [14, с. 146]. В данной работе мы придерживаемся узкого понимания художественного пространства как структуры, имеющей выявленные исследователями (М. М. Бахтиным, Ю. М. Лотманом, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским и др.) следующие характеристики:

- 1) антропоцентричность – связь с субъектом, который воспринимает и осознает окружающую среду как свою и чужую;
- 2) наличие разной степени удаленности: близкое и далекое пространство;
- 3) горизонтальная и вертикальная направленность пространства;
- 4) заполненность природными реалиями, предметность пространства;
- 5) соотношенность пространства с движением [2, с. 169].

Традиционным является дуализм восприятия пространства и возможность задавать его ориентиры в виде оппозиционных понятий: *свое – чужое, близкое – далекое, горизонтальное – вертикальное, верх – низ*. Ю. М. Лотман предлагает локально-этическую метафору – образ дороги – для характеристики пространства в искусстве [9, с. 414]: «Дорога – некоторый тип художественного пространства, универсальная форма организации пространства, в соответствии с которой строится литературно-художественное произведение» [2, с. 183]. Одной из основных оппозиций текстов русской культуры, отражающих особенности национального самосознания, ученые называют дихотомию *дорога – дом* [21, с. 264], подчеркивая архетипическое соотношение смыслов данных понятий. «Русский дом подразумевает дорогу, как свой другой, не всегда проявленный полюс» [22, с. 33].

По данным этимологии, лексема «дорога» восходит к и.-е. **dorgh-* «дёргать» и означает «продранное в лесу пространство» [20, т. 1, с. 530], то есть внутренняя форма слова совпадает с прагматической функцией «самого объекта 'дорога' – быть средством освоения неизвестного пространства» [5, с. 45]. Доминантность данного понятия в семантическом пространстве текста подтверждает материал исследования.

Художественное пространство воссоздается языковыми средствами с пространственным значением, употребляющимися в разных текстовых фрагментах. В результате анализа они образуют лексико-семантические группы слов. При этом в смыслообразовании текста литературного произведения участвуют имплицитно содержащиеся в художественном слове архетипические значения, мифопоэтические образы и символы.

В рассматриваемом художественном произведении – повести «Метель» – из 1 565 полнозначных слов 344 языковые единицы репрезентируют категорию пространства. Они распределяются между двумя полюсами, обозначенными пространственными доминантными понятиями: *дом – дорога*. С домом связано представление о своем, близком пространстве, с дорогой – о пространстве чужом, далеком.

120 лексем связано с маркированием жилья, места жительства: «жилье» (90) + «пространственное расположение» (30) – и тяготеет к полюсу *дом*. 224 лексические единицы являются экспонентами полюса *дорога*. Особой из перечисленных объединений лексем является группа единиц «пространственное расположение» (30), указывающая на нахождение предметов в пространстве по отношению к центру, в котором пребывает человек. Данная группа занимает промежуточное положение, она представлена дихотомией лексико-семантических подгрупп: «близкое» (22) – «далекое» (8). Таким образом, актуализируется пространственная оппозиция *близкое – далекое* и ее эквивалент *свое – чужое*.

Лексические объективаторы, экспонирующие глубинную семантику, мифологическое значение пространственной доминанты *дом*, рассмотрены в статье «Семантика пространственной доминанты художественного мира» [7]. Данная работа посвящена противоположному полюсу пространственной дихотомии – *дороге*.

Языковые экспоненты освоения чужого пространства (*дороги*) организованы в лексико-семантические объединения. Горизонтальное членение пространства противопоставлено вертикальному.

Горизонтальное пространство репрезентируют группы лексем:

- «движение как перемещение по горизонтали» (119) (самыми частотными являются глагол *ехать*, который вместе с однокоренными лексемами (*поехать, объехать, отъехать, заехать, уехать, выехать, приехать* и др.) дает совокупный показатель частоты 41, и глагол *идти*, употребленный с однокоренными образованиями (*сойти, дойти, взойти, войти, уйти* и др.) 23 раза);
- «скорость движения» (10) (*броситься 5, спешить 1, поспешить 1, торопиться 1, живость 1, быстрота 1*);
- «участки передвижения, пути, трассы» (14) (*дорога 10, верста 3, путь 1*);
- «средства передвижения, транспорт» (26) (*лошадь 10, сани 10, тройка 2, конь 1, животное (о лошади) 1, ретивые 1, кибитка 1*);
- «профессиональная деятельность в сфере транспорта» (8) (*кучер 3, ямщик 2, проводник 2, смотритель 1*);
- «участки земной поверхности, ее рельеф» (32) (*поле 4, место 4, снег 3, сугроб 3, овраг 2, лес 2, дерево 2, снеговой 1, ковер (метафорическая номинация снежного покрова) 1, равнина 1, подземелие 1, пруд 1, ива 1, река 1, берег 1, яма 1, бездонный 1, глубокий 1, трава 1*).

Самое крупное образование лексем – «**движение как перемещение по горизонтали**». Ни одно понятие в повести не имеет такого высокого количественного показателя, как динамика. Предельное нагнетание импульсов, действий наблюдается на участке текста, повествующем о происшествии с Владимиром по дороге

в церковь. На 17 предложений приходится 53 глагольных образования. Обилие глаголов на единицу текста достигает здесь максимума в прозе А. С. Пушкина. Герои вовлекаются в решающие события, когда они оставляют свое, привычное, обжитое пространство (дом, станцию) и отправляются в дорогу: «*Маша... вышла на заднее крыльцо*» [17, с. 219], «*Но едва Владимир выехал за околицу*» [Там же, с. 220], «...я (Бурмин) не вытерпел, приказал закладывать и поехал в самую бурю» [Там же, с. 228].

Архетипическое представление о движении в мифологической традиции очень распространено, чаще всего оно выражается мотивом путешествия, которое является универсальным символом развития и изменения, перехода от одной стадии жизни к другой. То же происходит в нашем контексте: Бурмин и Марья Гавриловна становятся мужем и женой, Владимиру приходится уйти на военную службу. Кроме того, данное событие изменяет и внутреннее состояние героев. Нарушается порядок их мироустройства, что сигнализирует и о его последующих коренных изменениях.

Изначально движение мыслится язычниками как двойственная магическая сущность. С одной стороны, движение соотносится с приближением к правде, истине (и.-е. **prau-* «двигаться», но русск. *правда*). С другой – со смертью, с переходом в загробный мир (ср. гот. *ga-leiran* «двигаться», ирл. *lind* «вода», русск. *ладьа*: речь идет о переправке душ в загробную жизнь) [10, с. 186].

Наиболее подробно описано путешествие Владимира, который потерял дорогу, заблудился в метельную ночь. «Метели и вихри заметают проложенные следы, ломают поставленные вехи, заставляют плутать, блуждать дорожных людей» [1, с. 31]. Слово *блуждание* можно сопоставить со словен. *blód* «ошибка», чеш. *blud* «заблуждение» [20, т. 1, с. 177]. Ошибки совершает Владимир, потеряв путь в поисках невесты, Маша ошибочно венчается с незнакомцем, Бурмин, вступая в брак, совершает «преступную проказу».

Семантика движения получает особую актуальность и дополнительные коннотации благодаря лексемам группы «**скорость движения**». Понятие быстрого движения ассоциируется, с одной стороны, с опасностью: нем. *fahren* «ехать, двигаться», но нем. *Gefahr* «опасность», англ. *rush* «перебежка, суeta», англ. *risk* «опасность» [10, с. 310]. Переход из одного состояния в другое сопровождается соответствующим психологическим состоянием героев: мучением, страхом, ощущением угрозы. Владимир, «*умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться*» [17, с. 218], «*отец ее останавливал ее, с мучительной быстротой тащил ее по снегу*» [Там же, с. 219], «*лошади полетели*» [Там же, с. 220], увозя Машу в жадринскую церковь, а окружающая обстановка – «*все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием*» [Там же, с. 219] – предсказывала девушке надвигающуюся опасность. С другой стороны, в отрывке, изображающем последовательность действий, происходящих с Бурминым («*спешил в Вильну*», «*выходи скорее*», «*священник торопился*», «*бросился в кибитку*» [Там же, с. 228]), проявляется иная семантика быстрого темпа, активности движения. Этимологически слово *скоро* родственно лат. *scurra* «шутник» [20, т. 3, с. 654]: «...я не имею возможности отыскать ту, над которой подиутил я так жестоко» [17, с. 229], – говорит Бурмин, открывая «ужасную тайну» Марье Гавриловне. Глагол *спешить*, производный от **spesъ*, родствен существительному *успех*; болг. *спех*, слов. *spkh* означают «успешность, процветание», лат. *spes* «ожидание, надежда» [20, т. 3, с. 734]. Поспешные действия Бурмина, необдуманное венчание в конечном итоге оборачиваются удачной женитьбой.

Понятие *движение* сопрягается с доминантным понятием *дорога*, включенным в группу «**участки передвижения, пути, трассы**» и имеющим высокую частоту употребления (10). Данная лексическая единица с пространственной семантикой соотносится также с высокочастотными лексемами *лошадь* (10), *сани* (10), атрибутами дороги, относящимися к группе «**средства передвижения, транспорт**». В контексте, передающем информацию о Владимире Николаевиче, важен мифопоэтический смысл образа *лошади* («...а для себя велел заложить маленькие *сани* в одну *лошадь*, и один, без кучера, отправился в Жадрину» [17, с. 220]). Лошадь считается хтоническим животным, олицетворяющим мрак преисподней, символизирующим связь жизни и смерти, магические силы: англ. *horse* «лошадь» соотносится с лат. *orcus* «загробный мир», лошадь – символ судьбы (русск. *жеребий* и *жеребенок*) [12, с. 72].

Наиболее разнообразной и семантически насыщенной является группа «**участки земной поверхности, ее рельеф**» (32) (*поле 4, место 4, снег 3, сугроб 3, овраг 2, лес 2, дерево 2, снеговой 1, ковер* (метафорическая номинация снежного покрова) *1, равнина 1, подземелие 1, пруд 1, ива 1, река 1, берег 1, яма 1, бездонный 1, глубокий 1, трава 1*), структурирующая горизонтальное пространство художественной реальности. Языковые единицы, маркирующие пространственные объекты, актуализируют глубинные архетипические значения и тяготеют к полюсу *чужое* универсальной оппозиции *свое – чужое*, которая является вариантом противопоставлений *близкое – далекое*, *дом – дорога*. Освоенное пространство, заполненное привычными реалиями, считается известным, оно наделяется древним человеком положительной семантикой. Соответственно, чем дальше от дома человек, тем больше опасностей, тем неизведаннее и страшнее «чужое» пространство (*поле, лес, берег, река, равнина*).

Самая высокая концентрация пространственной лексики рассматриваемой группы и отглагольных образований, передающих семантику движения, приходится на фрагмент текста, описывающий метель сквозь призму восприятия Владимира Николаевича. В первую очередь, задаются дихотомичные пространственные координаты *околица* (атрибут *дома*: «изгородь вокруг всего селения или только на выезде из него» [18, с. 397]) – *поле*: «*Но едва Владимир выехал за околицу в поле...*» [17, с. 220]. Для Владимира «своим» является мир романтических грез, где все события должны свершаться по схеме, заимствованной из французских романов (тайный брак по взаимной страсти бедного жениха и богатой невесты вопреки запрету родителей): он умолял Машу «...предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени...» [Там же].

Действия героя началом, точкой отсчета имеют *поле*. Этимология данной высокочастотной лексемы – «полюй, открытый, свободный, незащищенный» [20, т. 3, с. 307] – передает представление о чужом мире, создающем препятствия для реализации планов Владимира: «очутился в *поле* и напрасно снова хотел попасть на дорогу», «ехал *полем*, пересеченным глубокими оврагами», «*полю* не было конца» [17, с. 221]. Дорога, по которой Владимир собирается следовать, – это путь достижения романтической цели, осуществление которой оказывается невозможным: «В одну минуту *дорогу* занесло» [Там же, с. 220]. Поле традиционно представляется местом, где герой действует, сражается, защищая родину, и где он гибнет. Гибель – непереносимое условие чистого поля, один из его важнейших признаков [8, с. 224]. Мифологическая семантика *поля* как места, соотносящегося со смертью, имеет этимологическое подтверждение, например, др.-анг. *wang* «поле» означает также «загробный мир» [12, с. 49]. Как потом оказывается, Владимиру и суждено умереть на поле боя: «...нашел его имя в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородином...», «Владимир не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов» [17, с. 224]. Он должен погибнуть как герой, смертью храбрых. В связи этим уместно упомянуть о вещем сне Марьи Гавриловны накануне ее побега из дома, в котором «...видела Владимира, лежащего на *траве*, бледного, окровавленного» [Там же, с. 219]. Этимологические сведения позволяют соотносить ирл. *fuil* «кровь» с др.-анг. *woel* «убитый на поле боя», а лексему *травы* (др.-анг. *gers*) с лат. *herba* «травы», которая близка по происхождению к русск. *храбрый* [11, с. 77].

Лексема *сугроб* («въезжала на *сугроб*», «все *сугробы* да овраги», «отыскивая дорогу, занесенную снеговыми *сугробами*» [17, с. 221]) также несет ассоциации, прогнозирующие дальнейшую участь Владимира. Слова *сугроб* и *гроб* родственные, производные от «грести» (общеслав. **grebti* «копать, рыть»). *Гроб* буквально – «яма», затем – «могила». В русском фольклоре в подблюдных песнях *сугроб* символизирует смерть, *заехать в сугроб* значит «умереть» [4, с. 118].

Другим природным объектом, относящимся в «чужому» пространству, является *лес*: «Владимир с ужасом увидел, что он заехал в *незнакомый лес*» [17, с. 221]. Лексема *лес* восходит к и.-е. *vanat* «вне» [15, с. 52], то есть это не «свое», потустороннее пространство, пугающее человека. С лесом связано представление о враждебной силе, которая поднимается против человека, о некоем существе, которое ловит его, заманивает, губит, – о лешем [8, с. 121]. Лес традиционно считается пространством, где происходит обряд инициации, состоящий из ряда испытаний. Посвященный преодолевает трудности, претерпевает изменения, символически умирает, а затем становится новым человеком, переходит в иной статус. Лес – это двойственный образ. С одной стороны, он видится страшной преисподней, с другой – может служить укрытием. Крушение замыслов героя, возникающие трудности и препятствия проявляют в данном случае негативную семантику *леса*.

Показателен тот факт, что Владимир обманывается, принимая лес за рошу («Приближаясь, увидел он рошу. Слава богу, подумал он, теперь близко» [17, с. 221]), то есть чужое, неведомое пространство – за знакомое, служащее ориентиром в дороге: «...нашел он дорогу и въехал во *мрак дерев*, обнаженных зимою» [Там же]. В данном случае репрезентируется образ деревьев, лишенных листьев. «Листья древесные» с античных времен считаются традиционным символом краткости жизни смертных. Кроме того, у славян покрытие зелеными листьями воспринимается как символ брака. (Эпизод, иллюстрирующий романтическое объяснение Маши и Бурмина, имплицитно содержит отсылку к тому же образу «листьев древесных»: «Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под *ивой*» [Там же, с. 226]. Данное событие, по всей видимости, происходит летом, и образ покрытого листьями дерева символизирует то, что герои состоят в браке [16, с. 342].) Обнаженные деревья, напротив, указывают на то, что Владимиру не суждено вступить в брак и в ближайшем будущем его ждет смерть.

Загробный мир отождествляется как с лесом, полем, так и с равниной (лат. *pala* «поле», шв. *fala* «равнина, пустошь» [20, т. 3, с. 307]), актуализирующей соответствующую негативную семантику: «Мало-помалу *деревья* начали редеть, и Владимир выехал из *лесу*... перед ним лежала *равнина*, устланная белым волнистым *ковром*» [17, с. 221]. Метафорически обозначенный снежный покров ассоциируется с саваном: англ. *naked* «голый, светлый» восходит к и.-е. **sneg* «снег», белый свет которого символизирует смерть [10, с. 342]. В народных преданиях судьба представляется холстом, который в течение жизни человека ткнут богини. Когда одна из богинь отрезает готовый холст, человек умирает. Из этой ткани делается рубашка, которую должен носить усопший на том свете, в погребальном обряде ей соответствует белый саван [1, с. 343].

В своих архетипических значениях перемещение человека на тот свет связано также с водой. Водная стихия – местопребывание многочисленных отрицательных сил. Понятие «потусторонний мир» первоначально имеет значение «относящийся к воде»: и.-е. **uel-/uer-* «вода», но хет. *uelli* «загробный мир». Типологически можно также сравнить лат. *aqua* «вода», но хет. *ak* «умирать», тох. *A tarp* «пруд», но нем. *sterben* «умирать» [12, с. 76-77]. Река – граница, разделяющая миры живых и мертвых, берег – край, порождающий семантику обрыва, падения, катастрофы. Бурмин напоминает: «Ямщику вздумалось ехать *рекою*, что должно было сократить нам путь тремя верстами. *Берега* были занесены» [17, с. 228]. Воссоздается еще один вариант основополагающей пространственной оппозиции *свое – чужое*: *суша – река*. Мифологическое сознание тесно связывает похоронный и свадебный обряды. Символически брак представляется как переправа через воду [19, с. 305]. Упоминание о пересечении реки метафорически повествует о том, что герою предстоит вступить в брак. Местонахождение Маши в финальной сцене у пруда («Бурмин нашел Марью Гавриловну у *пруда*, под *ивой*» [17, с. 226]) символически репрезентирует статус героини: она замужем.

Рассмотренные группы лексических единиц, формирующие горизонтальное пространство и его пересечение, вступают в оппозицию к лексемам, репрезентирующим вертикальное пространство и передвижение в нем. Таким образом, выстраивается дихотомия: *верх – низ*.

Вертикальное пространство воссоздано следующими лексико-семантическими группами:

- «верх» (6) (*небо 2, воздух 2, тучи 1, хлопья 1*) – «низ» (6) (*овраг 2, яма 1, бездонный 1, глубокий 1, подземелье 1*). Последняя из указанных в антиномии равночастотных подгрупп состоит из языковых единиц группы «участки земной поверхности, ее рельеф»;

- «движение как перемещение по вертикали» (9) (*бросать 2, опрокидываться 2, лететь 1, слиться 1, въезжать 1, проваливаться 1, подымать 1*).

Пересечение пространства в данной плоскости является движением по вертикали, которое может быть также истолковано в символическом ключе. В фольклорном представлении *верх* (небо) оказывается занятым силами праведными и божественными, а *низ* (преисподняя): ямы и овраги – силами нечистыми и темными. Для человека перемещение в любую зону обязательно оказывается путешествием вверх или вниз (ср. разделение шаманов в некоторых сибирских традициях на «черных», способных спускаться вниз, в преисподнюю, к злым духам, и «белых», поднимающихся наверх, на небеса, к добрым духам) [13, т. 2, с. 207]. Блуждания Владимира в поисках дороги: «*Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами*», «*все сугробы да овраги*», «*лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму*» [17, с. 221] – указывают на пограничное местонахождение героя между *верхом* (стремлением к счастью) и *низом* (невозможностью обрести желаемое).

Образ опрокидывающихся саней Владимира («*сани поминутно опрокидывались*», «*поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал*» [Там же]) обозначает, что в окружающем героя пространстве верх и низ меняются местами: *опрокидываться* значит «падать вверх дном, переворачиваться, валиться набок» [18, с. 482]. С данным частным образом соотносится практически универсальный в мифологии разных народов образ слияния неба и земли: «...небо *слилося* с землею» [17, с. 220]. В космогонических и эсхатологических мифах небо и земля не только сливаются, что означает их священный брак, но и меняются местами [13, т. 2, с. 207]. Смешивающиеся стихии выступают знаками глобальных перемен в судьбе. В повести поменявшиеся местами во время метели небо и земля знаменуют потерю для Владимира пространственных ориентиров, крушение его замыслов.

Иная семантика проявляется при интерпретации объективаторов вертикального пространства, связанных контекстуально с другими главными героями: Машей и Бурминым. Одна и та же лексема *бросать* в сочетании с указанием на экспоненты *низа* (*подземелья*) в одном случае и *верха* (*воздуха*) – в другом употреблена в повести в двух фрагментах: в отрывке, рассказывающем о событиях, произошедших с Марьей Гавриловной («*отец ее... бросал в темное, бездонное подземелье*» [17, с. 219]), в эпизоде, включающем реминисценцию, который предваряет появление Бурмина («*И в воздух чепчики бросали*» [Там же, с. 225]). Противоположно направленное движение в данной плоскости уравнивает вертикальное пространство и символически репрезентирует установление гармонии в отношениях между героями.

Таким образом, языковые средства, репрезентирующие пространство художественного мира, создают представление о его горизонтальной и вертикальной протяженности и включаются в главные универсальные оппозиции: *близкое – далекое* (*свое – чужое*), *верх – низ*. При этом постижение окружающего пространства, его приспособление, осваивание, трансформация и осмысление осуществляются посредством перемещения в горизонтальном и вертикальном направлениях, то есть в следовании по *дороге*, которая является важным культурным символом русского сознания. Соответствующий языковой экспонент, становясь пространственной доминантой, содержательно организует большое количество лексических единиц художественного мира.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Индрик, 1994. 400 с.
2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М. – Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2004. 464 с.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
4. Белякова С. М. Микрополе «снег» в языке русской поэзии XX века // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. С. 116-118.
5. Бондар Т. Г. Лингвокультурные особенности концепта «дорога» / «Bahn» по данным ассоциативных экспериментов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 45-49.
6. Ипполитов О. О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 20 с.
7. Карпинец Т. А. Семантика пространственной доминанты художественного мира (на материале повести А. С. Пушкина «Метель») // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. Краснодар, 2015. № 8. С. 277-283.
8. Колесов В. В. Древняя Русь. Наследие в слове. Мир человека. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 326 с.
9. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 413-448.
10. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь английского языка. М.: Диалог, 2000. 418 с.
11. Маковский М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1992. 189 с.
12. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 415 с.
13. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 1. 673 с.; Т. 2. 719 с.

14. **Николина Н. А.** Филологический анализ текста: учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
15. **Попович М. В.** Мироззрение древних славян. Киев: Наукова думка, 1985. 168 с.
16. **Потебня А. А.** Слово и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
17. **Пушкин А. С.** Метель // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1969. Т. 4. С. 217-229.
18. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / ред. А. А. Шахматов. М. – Л.: Наука, 1959. Т. 8. 922 с.
19. **Тресиддер Д.** Словарь символов. М.: Индрик, 1999. 448 с.
20. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 3. 832 с.; Т. 4. 864 с.
21. **Хомчак Е. Г.** Концептуальная модель дороги в русской языковой картине мира // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філологічна». 2015. Випуск 52. С. 264-266.
22. **Щепанская Т. Б.** Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

**LANGUAGE MEANS OF REPRESENTATION OF THE LITERARY SPACE
(BY THE MATERIAL OF A. S. PUSHKIN'S STORY "THE BLIZZARD")**

Karpinets Tat'yana Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo
tak132015@mail.ru

The article considers the problem of literary space by the example of A. S. Pushkin's story "The Blizzard". The author analyzes the language means marking the spatial coordinates, allocates lexical-semantic groups, and reveals the universal oppositions of the spatial perception of the world. The underlying senses, archetypal meanings behind lexical exponents to update myth-poetic symbolic are examined.

Key words and phrases: literary space; spatial dominant; lexical-semantic group; lexical exponent; universal oppositions; semantics; etymology; archetypal meaning; myth-poetic image.

УДК 811.112:33

Данное исследование посвящено описанию сокращённых номинаций в современной экономической терминологии на материале немецкого языка. Продуктивность данного словообразовательного способа в экономических текстах обуславливает актуальность и необходимость тщательного его изучения. В статье рассматриваются сокращённые номинативные единицы, освещаются основные типы, которые характеризуются своим произношением, способом образования, написанием, сферой распространения.

Ключевые слова и фразы: сокращения; аббревиация; акронимы; экономия языковых средств; экономическая терминология.

Кербер Елена Владимировна, к. филол. н.
Омский государственный технический университет
lkerber@mail.ru

**СОКРАЩЕНИЕ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

В современной научно-технической литературе различных языков наблюдается устойчивая тенденция к активному использованию разного рода сокращённых номинативных единиц. Данный способ номинирования предметов, представляя собой создание более кратких по сравнению с исходными структурами терминов, занимает достаточно прочные позиции в современном научном языке. Активизация сокращённых наименований в терминотемах связана с увеличением объёма информации и потребностью передачи этой информации в сжатой форме с целью экономии языковых средств. Помимо традиционно выделяемого принципа экономии, продуктивность данного лингвистического явления объясняется некоторыми лингвистами также стремлением к необычности и экспрессивности ряда сокращений [10].

Целью данной статьи является рассмотрение сокращённых терминов, функционирующих в немецкой экономической терминологии, выявление их особенностей и основных типов.

Изучением сокращений на материале различных языков занимались такие лингвисты, как В. В. Борисов [3], О. Д. Мешков [9], Д. И. Алексеев [1], Е. С. Кубрякова [7], Н. Н. Алексеева [2], А. Н. Елдышев [5], М. А. Ярмашевич [12], Е. А. Дюжикова [4], Т. В. Максимова [8] и другие.

Как показал анализ литературы, в отечественной лингвистике существует многообразие определений самого термина, обозначающего данный способ словообразования. Разнообразие подходов в определении А. М. Клэстер объясняет особым характером сокращений, спецификой структуры аббревиатурных номинаций, а также взаимодействием с другими способами терминообразования [6, с. 15].